УДК 338.43.02

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА: НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ, МЕТОДЫ И МЕХАНИЗМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

И.Н. БУЗДАЛОВ, академик, главный научный сотрудник

(Институт экономики РАН)

Социально-экономическое положение в сельском хозяйстве (а в значительной мере и в стране в целом) зависит от «качества» проводимой аграрной политики, которая в широком историческом плане является исходной основой формирования и совершенствования общей экономической политики государства. Научные основы аграрной политики базируются на ряде определяющих теоретико-методологических предпосылок, отражающих объективно обусловленные общие закономерности развития производственных отношений с их существенными особенностями проявления в сельском хозяйстве. Это, во-первых, предопределяет сложность и противоречивость системной научной разработки проблемы и, во-вторых, требует высокого профессионализма и ответственности властей при формировании и осуществлении эффективной, социально ориентированной аграрной политики.

Концептуальные аспекты проблемы

Научная концепция аграрной (или, что то же, агропродовольственной, сельскохозяйственной) политики сочетает в себе общие объективно обусловленные целеустановки государства в деле регулирования социально-экономического развития страны с особыми подходами к этому регулированию в сельском хозяйстве и во всей системе агропромышленного комплекса. Этим предопределяются сущность, методы и механизмы осуществления аграрной политики как относительно обособленной составляющей общей экономической политики государства.

Обзор специальной научной литературы и энциклопедических изданий между тем показывает, что понятие «политика» применительно к экономике трактуется далеко не однозначно, часто весьма расплывчато или явно произвольно, причем таким трактовкам можно найти формальные объяснения. Дело в том, что политические решения в области экономического и связанного с ним социального развития, в частности, в сельском хозяйстве, нередко противоречат объективным законам этого развития и базируются на субъективных представлениях или волюнтаристских увлечениях властей, принимающих эти решения. Поэтому не случайно В.И. Даль в своем Толковом словаре определял политику как «виды, намерения и цели государя, немногим известные, и образ его действий при сем, нередко скрывающий первые. Политик – умный, ловкий (не всегда честный) государственный деятель».

Иначе говоря, политика как научно обоснованное, профессиональное участие в делах государства, касающихся развития экономики, может подменяться политиканством, вплоть до произвола властей, по меньшей мере «уклончивого», популистского образа действий, что иногда и служит явно искаженной основой для субъективной трактовки понятия экономической политики. Этой уклончивостью, лживостью политических целеустановок грешили большевики, обещав землю – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим, а всем и каждому – «светлое будущее». Заведомо невыполнимые обещания, декларации, в лучшем случае, полумеры, движения «шаг вперед – два назад» – достаточно распространенное явление, в той или иной мере характерное даже для стран с официальной приверженностью принципам демократии, гражданского общества, обоснованиям научного сообщества, не говоря уже о странах, где основанные на идеологических догмах действия «государя» (царя, генсека, президента, национального лидера и т.д.) или «коллегиального руководства» (хунты, политбюро и т.д.) не имеют логически завершенных демократических ограничений и развитых институтов правового государства.

Имеются определенные основания отнести к числу последних Россию с ее явно неокрепшим, «рыхлым» гражданским обществом, отсутствием четкого разделения властей и т. д., что позволяет высшему руководству подменять политические решения, основанные на достижениях науки, решениями (в частности, в области аграрной политики) «по усмотрению», на основе кажущейся (в действительности ложной) целесообразности, по собственному понятию или очевидной прихоти. В этих условиях задача экономической науки, других общественных наук заключается в требовании выявить то, насколько аграрная, как и вся экономическая политика соответствует ее объективно обусловленным научным основам, фундаментальным теоретическим положениям, и определить, что нужно изменить в этой политике, чтобы обеспечить необходимое соответствие.

Применительно к нынешней российской действительности, особенно в сельском хозяйстве, остающемся в полосе затяжного и глубокого системного кризиса, эта задача представляется особенно актуальной, первостепенной и неотложной, так как речь идет о судьбе крестьянства – корневой системы нации, и о возрождении села – основного незаменимого источника поддержания активной жизнедеятельности и здоровья человека. В исходном пункте решения указанной задачи нужно, во-первых, аргументированно и доказательно определиться в самом понятии аграрной политики, во-вторых, четко сформулировать ее научные основы, определяющие теоретические принципы и, в-третьих, обосновать направления, методы и механизмы осуществления аграрной политики, отвечающие этим основам и принципам.

Нет нужды доказывать, что в эволюционно развивающемся обществе, в условиях правового государства, подлинного народовластия, независимости суда и т.д. определяющие политические целеустановки властей в области экономического и социального развития должны иметь под собой всесторонние теоретические обоснования, быть прозрачными, отражаться в правовых актах, в

подконтрольных обществу действиях исполнительных, управленческих и хозяйственных органов разных уровней, других институтов государства. Несоответствие этих целеустановок по ключевым проблемам сельского развития страны указанным исходным предпосылкам общего концептуального подхода к проблеме ведет к подмене настоящей аграрной политики политиканством, к неэффективным государственным решениям в этом развитии, к различиям в понимании соотношения политики и экономики, к стремлениям превращать политику во всеохватывающую «командную силу».

При всей абстрактности, нежизненности «краеугольных» положений марксистского экономического учения (о праве и формах собственности, о роли и функциях рыночных отношений, кооперации, крестьянстве, о земельной, в частности, «абсолютной» ренте и т.д.) вряд ли можно привести серьезные возражения против доводов об обусловленности экономической политики объективными закономерностями развития экономических отношений. «Политику... необходимо объяснять экономическими отношениями, а не наоборот» [1]. Такому пониманию соответствует известное ленинское определение политики как «концентрированного выражения экономики».

Тем не менее, до сих пор помимо смещения акцентов в соотношении политики и экономики в само понятие экономической, в том числе аграрной политики, вкладывается разный смысл, смешивается ее сущность, стратегические целеустановки с направлениями, мерами ее практического осуществления. Так, Экономическая энциклопедия «Политическая экономия» экономическую политику определяет как «систему мероприятий», осуществляемых государством в области экономического развития, причем в досоциалистических формациях «в интересах господствующего класса», а при социализме – «в интересах всего общества» [2]. Тот же смысл вкладывался в понятие аграрной политики [3].

Сейчас идеологическая окраска соответствующих определений представляется неуместной, наивной, но в общем методологическом плане имеющиеся формулировки страдают той же подменой стратегического курса в экономическом развитии сельского хозяйства практическими мерами по его реализации, расплывчатостью, неоднозначностью этих формулировок. В одном случае аграрная политика представляется как «последовательная реализация системы мер для перехода агропромышленного производства из одного состояния в другое» [4], в другом – как «совокупность идей, целей, средств и методов формирования и регулирования отношений между городом и деревней и в самой деревне, а главное, решение продовольственного вопроса» [5], в третьем – как «определение соответствующих целей и ресурсное обеспечение их достижения, установление стратегических приоритетов, дополненных механизмом их обоснованного тактического корректирования» [6].

Есть и другие, излишне усложненные, замысловатые формулировки понятия аграрной политики, в которых, как и в приведенных выше, отсутствует акцент на главной ее цели – на создании сельскому производителю всех необходимых для творческого высокопроизводительного труда, гарантированных государством условий жизнедеятельности. Только в рамках реализации этой цели аграрная экономика, вся агропродовольственная система страны перейдет в новое качественное состояние, только на этой основе могут успешно решаться «продовольственный вопрос», обеспечиваться другие «стратегические приоритеты» и т.д.

Пока приведенные суждения в отношении понятия, общей концепции аграрной политики свидетельствуют об отставании, слабости, отсутствии определенности в разработке ее научных основ. В этих условиях властям открывается широкий «простор» определять стратегию этой политики, соответственно, устанавливать систему мер по ее осуществлению «по усмотрению» и получать адекватные этим мерам результаты в решении как продовольственного, так и всей совокупности вопросов социально-экономического развития сельского хозяйства.

Критерии научной обоснованности аграрной политики

Из вышеизложенного следует, что аграрную политику можно считать научно обоснованной, если заложенные в ней законодательно закрепленные целеустановки государства исходят из объективных закономерностей развития аграрных отношений и отвечают задачам обеспечения занятым в сельском хозяйстве необходимых материальных и социальных условий и стимулов высокоэффективной трудовой деятельности [7]. Степень научной обоснованности, следовательно, эффективности такой политики тем выше, чем полнее учитываются в ней базовый статус, особая роль и многофункциональная отраслевая специфика сельского хозяйства, определяющие общественную необходимость его приоритетной государственной поддержки.

Эта необходимость вызывается прежде всего тем, что в сельском хозяйстве как в первичной базовой отрасли экономики, первоисточнике и движущей силе ее развития производится ничем не заменимая продукция – продовольствие, это «самое первое» условие жизнедеятельности человека. На фоне обостряющейся мировой продовольственной проблемы, голодного и полуголодного существования до двух миллиардов людей, при усиливающейся социальной напряженности на огромных территориях планеты поддержание необходимой обеспеченности населения продуктами питания – важнейшая предпосылка сохранения общей национальной безопасности страны.

Нехватку автоматов, танков, ракет, другого накапливаемого в последнее время дорогостоящего вооружения, с которым обычно прежде всего связывается обеспечение этой безопасности, люди не заметят. Но даже малейшие признаки наступления голода в сочетании с неизбежным повышением цен на продовольствие (реальные, если довольствоваться достигнутыми к 2014 г. результатами отечественного сельскохозяйственного производства в России) приведут народ, прежде всего горожан (а их в стране 73%), в крайне опасное для государства и самих его властей массовое возбуждение с вполне предсказуемыми последствиями.

Укрепление продовольственной безопасности помимо количественного обеспечения населения продуктами питания отечественного производства включает в себя и другую его сторону – качество пищевых продуктов, которому посвящен специальный Закон РФ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 2 января 2002 г. И значение этого качества для здоровья человека в условиях современных возможностей здравоохранения трудно переоценить. По имеющимся оценкам, влияние на здоровье человека лекарственных средств, в составе которых доминируют химические, в том числе поддельные препараты с их вредным побочным эффектом, составляет до 15%, а качество питания – 60-70%.

В упомянутом законе подчеркивается важность государственных гарантий обеспечения этого качества, а оно во многом определяется местным, отечественным производством. Однако сейчас городское население потребляет до 60% импортного, часто залежалого, просроченного продовольствия, замороженного мяса, насыщенных нитратами и прочими наполнителями овощей и фруктов. Об «обоснованной уверенности» в качестве и безопасности этих заморских приобретений при нынешнем таможенном контроле за масштабным импортом продовольствия говорить не приходится.

Власти, особенно ответственные персоны экономического блока правительства, с подачи бывшего министра финансов А. Кудрина, чтобы самим всерьез не заниматься собственным сельским хозяйством, окрестили его «черной дырой» (хотя по опыту развитых стран лоббируемый государством агропродовольственный сектор – это действительно настоящий «локомотив» экономики), к сожалению, смирились с унизительным для великой в царском прошлом мировой продовольственной державы засилием этого импорта. В 2011-2012 гг. его объемы достигли 40 млрд долл. США, превысив товарную продукцию собственного сельского хозяйства в закупочных ценах. Беззаботно взирая на такой удручающий «баланс», эти персоны не хотят или не способны задуматься, к каким последствиям приведет перекрытие по тем или иным причинам каналов этого импорта.

Своеобразные суждения по «аграрному вопросу» высказывают и некоторые представители науки. Так, профессор Е. Ясин в радиопередаче «Тектонический сдвиг» на «Эхо Москвы» 27 января 2014 г., оставив в стороне реальное кризисное положение в сельском хозяйстве, представил его в «розовых» красках, сославшись на наше богатство лесными дарами природы. Продемонстрировав свой оптимизм на примере качества и дешевизны лично приобретенных банок российского брусничного варенья в сравнении с импортным (по цене, соответственно, в 70 и 240 руб.) он, однако, совсем забыл о главном: на бывших сельских территориях произрастания брусники, других ценных видов диких ягод, грибов и т.д. в процессе «социалистических» преобразований и нынешних реформ воцарилось полное запустение. Поэтому собирать эти дары природы (не говоря уже о производстве основных продуктов питания: мяса, молока и т.д.) совершенно некому и указанная ценная продукция многими тысячами тонн гибнет. Как видно, даже здесь, где не надо пахать и сеять, приходится надеяться на менее качественный, более дорогой импорт, в том числе тот, который составляет 60% потребляемой в стране продукции культурного садоводства.

В извечном требовании «хлеба и зрелищ» безусловным приоритетом всегда был и будет хлеб, ибо продовольствие – вечная, незаменимая первейшая человеческая потребность, постоянная на каждый день. Ответственные управляющие экономикой страны персоны России сегодня поставили эту потребность на второе место, сместив приоритеты на спортивные и прочие зрелища, «амбициозные» проекты и т.д., надеясь, по логике Остапа Бендера, на то, что «заграница нам поможет», в частности, с продуктами питания на упомянутые 40 млрд долл. в год, включая брусничное варенье по 240 руб., или 7 долл. за банку. На деле эти доллары – прямая поддержка заморских фермеров, в то время как отечественные производители, затянув ремни, вынуждены довольствоваться бюджетной подачкой в 1/10 указанной суммы. Совершенно очевидно, что в такой политике все поставлено с ног на голову. Разумеется, зрелища, в том числе в виде прорывных и прочих «престижных» дорогостоящих акций, временно отвлекают внимание людей от житейских невзгод. Но они отвлекают от глобальных, насущных и первоочередных жизненных проблем и государство, не увеличивают, а поглощают материальные национальные богатства. Однако в условиях ограниченности ресурсов всему, включая запасы нефти и даже газа, приходит конец со сценарием, невольно напоминающим содержание известной басни И.А. Крылова о попрыгунье стрекозе.

Государственный приоритет развития сельского хозяйства как критерий научной обоснованности аграрной политики, ориентированной на обеспечение продовольственной безопасности страны за счет отечественного производства, обусловливается прежде всего непредсказуемой зависимостью отрасли от действия стихийных природных сил. Связанные с этим непредвиденные риски снижают привлекательность аграрного сектора для частных инвесторов и предопределяют объективную необходимость активного участия в обеспечении приоритета сельского развития государства. В целях законодательного закрепления указанного приоритета и общей научной концепции протекционистской аграрной политики в 1997 г. был принят Федеральный закон «О государственном регулировании агропромышленного комплекса», определивший основным источником инвестиций в сельское хозяйство федеральный бюджет. Но поскольку аграрная политика проводилась исходя из надуманных представлений о сельском хозяйстве как «черной дыре», заботы о поддержании продовольственной безопасности страны во многом перекладывались на зарубежных фермеров. Указанный закон как «неудобный» для проводников этой политики был положен в шкаф и все суждения о приоритете села остались в основном декларацией.

Правда, на 2005-2007 гг. был принят приоритетный национальный проект «Развитие АПК». Но за время реализации этого проекта социально-экономическое положение в сельском хозяйстве к лучшему мало изменилось, а импорт продовольствия в страну удвоился. Главную причину декларативности приоритета сельского развития в этом проекте объяснил его инициатор, Президент РФ В.В. Путин: «недопустимо малое» государственное финансирование. Сами сельскохозяйственные организации при сложившемся диспаритете цен и общей пресловутой «перекачке» созданного в сельском хозяйстве национального дохода в пользу субъектов его монопольного окружения (включая само государство) заведомо лишались необходимых средств для действительной модернизации, последовательной интенсификации как главного пути развития сельского хозяйства и по сути основной практической задачи осуществления аграрной политики.

И, наконец, определяющим критерием научной обоснованности аграрной политики, ее основной социально-экономической целью является создание для занятых в сельском хозяйстве всех необходимых условий и стимулов высокопроизводительного труда. Общей предпосылкой для таких условий является последовательная реализация священного и неприкосновенного права собственности, прежде всего приоритетной ее формы – частной, в первую очередь, земельной собственности, с применением адекватного экономического механизма реализации этого права. Конкретным материальным выражением обеспечения указанных условий, следовательно, достижения главной цели аграрной полити-

ки являются обеспечивающие высокие стимулы уровень оплаты труда и соответствующая степень развития сельской социальной и инженерной инфраструктуры. Опыт США, Германии, Франции и многих других западных стран (где у властей есть понимание того, что «аграрный вопрос»– это коренной вопрос жизни человека и общества) показывает, что выравнивание соответствующих показателей между сельским и городским населением не только создает благополучие и устойчивость в развитии сельского хозяйства, закрепляет квалифицированные кадры на селе, но повышает роль аграрного сектора в общем социально-экономическом развитии страны. Определенные сдвиги в этом направлении происходили и в российской истории, в частности, в процессе осуществления столыпинской аграрной реформы.

К сожалению, после октябрьского большевистского переворота в стране восторжествовала прямо противоположная практика реализации этой важнейшей составляющей аграрной политики, проводившейся под «научным» прикрытием так называемого «закона первоначального социалистического накопления», на самом деле, говоря словами Н.И. Бухарина, политики «военно-феодальной эксплуатации крестьянства». Проводимая в течение многих десятилетий (за исключением послаблений периода НЭПа и хрущевской «оттепели», а затем косыгинской имитации хозяйственных реформ, последующей «перестройки»), вплоть до рыночных реформ начала 90-х годов XX в., эта политика опиралась прежде всего на такой фискальный инструмент, как «ножницы цен», трансформировавшийся в нынешний запредельный «ценовой диспаритет», то есть инструмент пресловутой «перекачки» результатов крестьянского труда на другие, по представлениям власть имущих, якобы «престижные», а в действительности разорительные для села и страны в целом приоритеты.

Многие еще верят в якобы «историческую» необходимость политики перекачки, ее псевдонаучные обоснования физиократами, подкрепляя эту слепую веру количественными результатами индустриализации, сооружением «Магнитки», Днепрогэса и т.д., масштабами развития военно-промышленного комплекса. Однако эта «верующая» публика не задумывается над тем, что достижения индустриализации можно было значительно увеличить, если бы перераспределение результатов крестьянского труда осуществлялось в рамках оптимальных пропорций в экономике, если бы соблюдалась эквивалентность обмена, не подрывались бы производительные силы сельского хозяйства [10]. «Наивно полагать, – писал Н.И. Бухарин, – что максимум годовой перекачки из сельского хозяйства в промышленность обеспечит максимальный рост индустрии. Наоборот, длительно наивысший темп получается при таком сочетании, когда промышленность поднимается на активно растущем сельском хозяйстве»[1].

Последовательно научный подход к аграрной и общей экономической политике, обеспечивающей социально-экономическое благополучие и на этой основе общий прогресс в народном хозяйстве, столетиями демонстрирует Швейцария, подтверждая глубокую творческую мысль Ф.М. Достоевского о том, что прочное социально-экономическое устройство или «характер земледелия» определяет общий «характер и ум нации», следовательно, свидетельствует о государственной мудрости проводников этой политики. Исходя из предпосылки, что сельское хозяйство как первичная базовая отрасль экономики во многом предопределяет благополучие всей страны, в Конституции Швейцарии ему уделен особый параграф, обязывающий государство в приоритетном порядке оказывать крестьянству постоянную протекционистскую поддержку. В результате такой аграрной политики выросли современные институты государства, создана стабильная и устойчивая экономика с высокоразвитой промышленностью, надежной финансово-банковской системой. Имея в расчете на душу населения сельскохозяйственных земель не лучшего качества почти в пять раз меньше, чем Россия, швейцарские крестьяне-собственники, занятые в аграрном производстве (4% всех занятых), в целом обеспечивают продовольственную безопасность страны, экспортируя значительную часть производимой высококачественной животноводческой продукции.

Уже в начале XIX в., когда в России царило крепостничество, швейцарские крестьяне, пользуясь указанной поддержкой, жили и трудились в условиях личной свободы и права собственности, дававших мощные стимулы к общему прогрессу в народном хозяйстве. «Невозможно, – писал известный экономист и историк Ж. Сисмонди (Почетный член Петербургской академии наук), – без восхищения видеть рубленные дома самых бедных крестьян – дома столь просторные, окруженные столь добротными оградами, столь нарядно покрытые резьбой; в коровниках стоит самая лучшая и самая ухоженная в Европе скотина, в саду растут цветы; мужчины и женщины одеты тепло и опрятно; на всех лицах – печать здоровья и силы. Пусть другие страны похваляются своими богатствами – Швейцария всегда может с гордостью показать на своих крестьян»[2].

В Германии на основе аграрного законодательства, ориентированного на приоритет сельского развития, государством неизменно поддерживаются достойные условия для жизнедеятельности крестьянства, на базе которых обеспечивается высокоинтенсивное развитие сельского хозяйства, активно способствующее общему прогрессу в стране. Поэтому при малоземелье и низком естественном плодородии почв социально обустроенная и динамично развивающаяся отрасль, располагающая земельными угодьями в расчете на 1 жителя страны в 3,2 раза меньшими, чем Россия, сейчас производит свыше 90% необходимого стране продовольствия, а трудоемкая продукция животноводства в больших объемах экспортируется. То же самое мы видим во многих других развитых странах, ставшими развитыми во многом именно благодаря проведению научно обоснованной аграрной политики.

Противоположные по своей направленности в лучшем случае декларации и полумеры в этих узловых вопросах аграрной политики в России не имеют под собой никакой почвы и разумного объяснения, кроме разве что ссылок на обреченность, спотыкаясь на каждом шагу, безоглядно следовать по пресловутому «особому» российскому пути. Правда, начиная с реформы 1861 г. в деле раскрепощения крестьянства в деревне произошли значительные изменения. Однако процесс этот далеко не завершен, особенно в части социальной защиты сельских производителей, которые отвечают адекватными степени этой защиты результатами труда или демонстративным уходом из села.

---

[1]Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М.: Мысль, 1988. – С. 310.

[2]Милль Дж.С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к современной философии в 3- х томах. – М.: Прогресс, 1980. – Т. 1. – Гл. YI. «О крестьянах собственниках».

За годы реформ около 20 тыс. сельских поселений исчезли с лица земли, а в большинстве оставшихся подорван производственный, прежде всего главный – трудовой потенциал. Состояние социальной и инженерной инфраструктуры села, дорожно-транспортной сети, системы связи, культурно-бытовых объектов, школьных и медицинских помещений (число которых также резко сократилось), продолжительность жизни селян с преобладанием группы пожилых, «первенство» деревни по употреблению алкоголя, в том числе суррогатного, уровень сельской безработицы и т.д. – характеризует нынешний общий сельский социально-экономический пейзаж признаками той же «забитости и одичалости».

Сельское хозяйство в последний период почти выпало из политического пространства и информационного поля страны. В небытие ушла Крестьянская партия, а Аграрная партия растворилась в необъятных пространствах «правящей» партии, практически безразличной к парламентскому лоббированию интересов крестьянства. О каком-то участии в этом Российского аграрного движения и вообще о делах этой организации на сегодняшний день почти ничего не известно. Поездки по стране ответственных персон субъектов Федерации, высших должностных лиц государства, наподобие недавних маршрутов олимпийского огня, обычно стороной обходят сельские поселения, особенно глубинку, на обширных традиционных сельскохозяйственных территориях которой, даже на бывших полях ближайшего Подмосковья, уже вообще нет признаков жизни.

Ведущие телевизионные каналы, радиостанции и киностудии демонстрируют удивительный «нейтралитет» или то же безразличие к сельской тематике, глобальным проблемам возрождения села. От нынешних потоков художественных фильмов на кино- и телеэкранах, где прежнюю нишу замечательных фильмов на эту тематику с участием выдающихся актеров театра и кино (Е. Матвеева, М. Ульянова, В. Тихонова, Н. Мордюковой и других) заняли боевики, бесконечные сериалы, шоу одних и тех же исполнителей, создается впечатление, что сельского хозяйства нет не только в глубинке, а вообще на российской земле. Единственная «воскресная» 30-минутная программа телеканала ТВ Центр «Крестьянская застава», которая периодически касалась этих проблем, вообще исчезла с экрана. Продолжающая свои репортажи близкая к Россельхозбанку «субботняя» программа «Сельский час» за те же 30 минут эфирного времени на канале «Россия» обычно ограничивается частными примерами, показателями новых «маяков» и т.д., вообще не затрагивает острейших проблем села, особенно касающихся бедственного состояния его ресурсного потенциала, крайнего финансово-экономического неблагополучия сельхозорганизаций, уровня жизни в деревне и прочих признаков глубокого системного аграрного кризиса.

Даже в застойные годы оплата труда в сельском хозяйстве поднялась до 95% по отношению к среднему по экономике уровню. К 2013 г. она опустилась на уровень 53% с прогнозом на 2020 г. повысить его до 55%, то есть на 2 пункта, в то время как у работников пищевой промышленности, переработчиков, посредников и других субъектов монопольного окружения села оплата в 1,5-2 и более раз выше, не говоря уже о других категориях занятых, где ее размеры превышают сельские показатели на порядок.

В целом на развитие сельских территорий по новой Госпрограмме (2013-2020 гг.) на 2013-2014 гг. намечено выделить (на 27% населения страны) столько же средств, сколько было затрачено на дорогу от Москвы до Сколково, и в 3 раза меньше, чем на реконструкцию одного футбольного стадиона в Санкт-Петербурге. Общее убогое состояние социально-трудовой сферы села является наглядным подтверждением если не очевидной социально-экономической ущербности аграрной политики, то серьезных изъянов ее стратегической направленности, методов и механизмов осуществления.

Подтверждением этому является также и крайне запутанное, обросшее злоупотреблениями и коррупцией решение извечного «земельного вопроса», прежде всего связанного с отношениями земельной собственности. Хотя монополия государства на землю отменена, основополагающий принцип этих отношений – «землю тем, кто ее обрабатывает» – трансформировался в странные формы реализации. Миллионы формальных собственников условных земельных долей или за бесценок сдали их в аренду, или вообще лишились реальных земельных участков, так и не выделенных в натуре. Одновременно десятки миллионов гектаров сельскохозяйственных земель вышли из активного оборота, заброшены, переводятся в другие категории, являются предметом спекулятивных сделок. Активная государственная защита земли (которую Д.И. Менделеев считал «равносильной защите государства») в стране фактически отсутствует.

Итогом таких перекосов на «земельном» направлении аграрной политики явилась общая деградация главного средства производства в сельском хозяйстве, снижение качества оставшихся в обработке земельных угодий. За годы нынешних реформ вынос питательных веществ из почвы в три раза превысил их возврат. Дозы вносимых минеральных удобрений в расчете на 1 га посевов сократились в 2,2 раза, органических – в 3,2 раза. На 75% посевной площади нарушены севообороты. В результате объем сельскохозяйственного производства в расчете на 1 га сельскохозяйственных угодий (снизившийся за эти годы на 17%, в том числе в животноводстве на 1/3) поддерживается за счет истощения почвенного плодородия [10].

К теории вопроса

Формирование и практическое осуществление экономической, в том числе аграрной, политики «по усмотрению», субъективным «соображениям» и наклонностям власть имущих, по их соблазну «оставить след» в истории чем-то напоминает деяния непреклонного Угрюм-Бурчеева из знаменитой «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина или реформатора Негодяева, прославившего свое правление тем, что «размостил вымощенную предместниками его улицу и из добытого камня настроил монументов». Но вместе с тем надо признать, что в российских аграрно-экономических исследованиях последнего времени явно ослаблено внимание к теоретическим разработкам, в частности, касающимся аграрной политики. Использовать же мировые научные достижения, соответственно, глобальные мирохозяйственные практические подходы в этой области по традиции следования по «особому российскому пути» по-прежнему считается или неуместным, или зазорным с предпочтением стоять в позе: «сами с усами» и «приспосабливать» экономическую теорию к действию властей по тому же «усмотрению» или

по мнимой, кажущейся угрюмбурчеевской целесообразности.

Между тем теоретические обоснования экономической, в частности, аграрной политики базируются на единых методологических принципах, какую бы особую «стать» и какие бы признаки исключительности ни приписывали идеологи той или иной нации, стране, содружеству стран. Подходы к формированию, методам и механизмам осуществления аграрной политики вытекают из основополагающих постулатов аграрной теории, которые в свою очередь являются отражением общих объективных закономерностей развития аграрных отношений. Аграрную политику поэтому можно или считать теоретически обоснованной, воплощающей в себе общечеловеческие ценности в тоталитарном государстве (элементы такой обоснованности были заложены в столыпинской политике аграрных преобразований в условиях царского самодержавия), или квалифицировать как политиканство в стране, декларирующей принципы демократии, правового государства и т.д. Все зависит от соответствия этой политики фундаментальным положениям аграрной теории.

«Задача экономической теории заключается в том, – отмечают авторы популярного в мире учебника по экономике, – чтобы привести в систему, истолковать и обобщить факты (то есть практические иллюстрации и подтверждения – И.Б.). Принципы и теории – конечный результат экономического анализа – вносит порядок и смысл в набор фактов, связывая их воедино, устанавливая надлежащие связи между ними и выводя из них определенные обобщения. Теория без фактов, – дополняют они это положение высказыванием Кеннета Е. Боулинга, – может быть пуста, но факты без теории бессмысленны» [15]. Иначе говоря, не всякая практика может быть критерием объективной истины, то есть подтверждением действительной научности, соответствия базовым теоретическим положениям, касающимся, например, «порядка и смысла» формирования и практического осуществления проводимой сейчас аграрной политики в России.

С позиций системного анализа понятия – аграрная теория, аграрные отношения, аграрная политика – находятся в строго определенной иерархической взаимосвязи с присущими каждому понятию функциями и основополагающими принципами. Аграрная политика как более прикладное отражение этой взаимосвязи может считаться научно обоснованной, демонстрировать «порядок и смысл», если субъективные действия по ее формированию и проведению соответствуют обеспечивающим наибольший экономический и социальный эффект общим объективным закономерностям развития аграрных отношений, в свою очередь, отвечающим базовым положениям аграрной теории как высшему, «направляющему» отражению указанной взаимосвязи.

Явное пренебрежение этими положениями с началом проведения рыночных реформ привело к субъективным решениям в аграрной политике и негативно сказалось на осуществлении узловых практических мер по формированию социально ориентированной системы аграрных отношений, следовательно, по обеспечению устойчивого, высокоэффективного социально-экономического развития сельского хозяйства на основе создания для такого развития необходимого уровня и качества жизни в деревне. Отсюда – всесторонняя научная оценка и переосмысление осуществляемых в последние 20 лет аграрных преобразований, предполагающее повышение и углубление теоретико-методологического уровня их исследования, непременное условие формирования и осуществления научно обоснованной аграрной политики.

В исходном пункте такого исследования важно учитывать, что для выхода на более эффективные решения в аграрной политике следует исходить из общих принципов научного анализа закономерностей развития экономических отношений с их спецификой в сельском хозяйстве. Теоретическое обоснование этого развития предполагает использование прежде всего метода научной абстракции. Но чтобы в применении этого метода соблюдать «порядок и смысл» происходящих в аграрных отношениях объективных процессов, а не ограничиваться субъективными предположениями «по нашему мнению», «на наш взгляд» и т.д. и формировать научно обоснованную аграрную политику, необходимо опираться на обобщающие характеристики, объективные движущие силы развития этих отношений, проверенные реальной жизнью, на прогрессивную международную практику принципов и общественных моделей их построения. В противном случае научные абстракции превращаются в надуманные, оторванные от жизни искусственные схемы и псевдотеоретические догмы. Эта участь постигла отмеченные выше марксистские теоретические построения, хотя Ф. Энгельс в предисловии к III тому «Капитала» К. Маркса указывал на недопустимость «втискивать» развивающиеся экономические явления и процессы в «окостенелые определения». Совершенно абсурдными оказались эти конструкции, «улучшенные» и «развитые» большевистскими идеологами на практике, в частности, в проведении аграрной политики в форме так называемых «социалистических» преобразований сельского хозяйства, осуществлявшихся методами административного насилия и произвола.

Таким образом, теория аграрных отношений или аграрная теория как одно из важнейших направлений науки об обществе, должна рассматриваться с позиций общего, основополагающего системного подхода и единого мирохозяйственного процесса – какой бы ни была специфика общественного устройства отдельных стран, имеющая по отношению к этому единому и общему второстепенное, подчиненное значение. Она представляет собой тесно взаимосвязанную совокупность основополагающих идей и опирающихся на прогрессивную практику абстрактно-логических представлений об объективных закономерностях развития и принципах жизнедеятельности крестьянских сообществ, об экономических и социальных отношениях в самом сельском хозяйстве и в общих рамках социально-экономической системы государства. При этом, как и в любой сфере человеческой деятельности, первоосновой, главной активной движущей силой в становлении и развитии аграрных отношений, следовательно, в теоретических представлениях о них выступает непосредственный сельский производитель с его общечеловеческими ценностями, интересами, но с определенными особенностями трудовой деятельности, духовных корней, самосознания, всего образа жизни.

Разработка подлинно научной теории аграрных отношений применительно к современной российской действительности, которая бы давала выверенные практические ориентиры и надежную научную основу для взвешенной государственной аграрной политики, возможна лишь при условии соответствующих общеисторических обобщений. Только всестороннее знание истории развития аграрных отношений, за-

по мнимой, кажущейся угрюмбурчеевской целесообразности.

Между тем теоретические обоснования экономической, в частности, аграрной политики базируются на единых методологических принципах, какую бы особую «стать» и какие бы признаки исключительности ни приписывали идеологи той или иной нации, стране, содружеству стран. Подходы к формированию, методам и механизмам осуществления аграрной политики вытекают из основополагающих постулатов аграрной теории, которые в свою очередь являются отражением общих объективных закономерностей развития аграрных отношений. Аграрную политику поэтому можно или считать теоретически обоснованной, воплощающей в себе общечеловеческие ценности в тоталитарном государстве (элементы такой обоснованности были заложены в столыпинской политике аграрных преобразований в условиях царского самодержавия), или квалифицировать как политиканство в стране, декларирующей принципы демократии, правового государства и т.д. Все зависит от соответствия этой политики фундаментальным положениям аграрной теории.

«Задача экономической теории заключается в том, – отмечают авторы популярного в мире учебника по экономике, – чтобы привести в систему, истолковать и обобщить факты (то есть практические иллюстрации и подтверждения – И.Б.). Принципы и теории – конечный результат экономического анализа – вносит порядок и смысл в набор фактов, связывая их воедино, устанавливая надлежащие связи между ними и выводя из них определенные обобщения. Теория без фактов, – дополняют они это положение высказыванием Кеннета Е. Боулинга, – может быть пуста, но факты без теории бессмысленны» [15]. Иначе говоря, не всякая практика может быть критерием объективной истины, то есть подтверждением действительной научности, соответствия базовым теоретическим положениям, касающимся, например, «порядка и смысла» формирования и практического осуществления проводимой сейчас аграрной политики в России.

С позиций системного анализа понятия – аграрная теория, аграрные отношения, аграрная политика – находятся в строго определенной иерархической взаимосвязи с присущими каждому понятию функциями и основополагающими принципами. Аграрная политика как более прикладное отражение этой взаимосвязи может считаться научно обоснованной, демонстрировать «порядок и смысл», если субъективные действия по ее формированию и проведению соответствуют обеспечивающим наибольший экономический и социальный эффект общим объективным закономерностям развития аграрных отношений, в свою очередь, отвечающим базовым положениям аграрной теории как высшему, «направляющему» отражению указанной взаимосвязи.

Явное пренебрежение этими положениями с началом проведения рыночных реформ привело к субъективным решениям в аграрной политике и негативно сказалось на осуществлении узловых практических мер по формированию социально ориентированной системы аграрных отношений, следовательно, по обеспечению устойчивого, высокоэффективного социально-экономического развития сельского хозяйства на основе создания для такого развития необходимого уровня и качества жизни в деревне. Отсюда – всесторонняя научная оценка и переосмысление осуществляемых в последние 20 лет аграрных преобразований, предполагающее повышение и углубление теоретико-методологического уровня их исследования, непременное условие формирования и осуществления научно обоснованной аграрной политики.

В исходном пункте такого исследования важно учитывать, что для выхода на более эффективные решения в аграрной политике следует исходить из общих принципов научного анализа закономерностей развития экономических отношений с их спецификой в сельском хозяйстве. Теоретическое обоснование этого развития предполагает использование прежде всего метода научной абстракции. Но чтобы в применении этого метода соблюдать «порядок и смысл» происходящих в аграрных отношениях объективных процессов, а не ограничиваться субъективными предположениями «по нашему мнению», «на наш взгляд» и т.д. и формировать научно обоснованную аграрную политику, необходимо опираться на обобщающие характеристики, объективные движущие силы развития этих отношений, проверенные реальной жизнью, на прогрессивную международную практику принципов и общественных моделей их построения. В противном случае научные абстракции превращаются в надуманные, оторванные от жизни искусственные схемы и псевдотеоретические догмы. Эта участь постигла отмеченные выше марксистские теоретические построения, хотя Ф. Энгельс в предисловии к III тому «Капитала» К. Маркса указывал на недопустимость «втискивать» развивающиеся экономические явления и процессы в «окостенелые определения». Совершенно абсурдными оказались эти конструкции, «улучшенные» и «развитые» большевистскими идеологами на практике, в частности, в проведении аграрной политики в форме так называемых «социалистических» преобразований сельского хозяйства, осуществлявшихся методами административного насилия и произвола.

Таким образом, теория аграрных отношений или аграрная теория как одно из важнейших направлений науки об обществе, должна рассматриваться с позиций общего, основополагающего системного подхода и единого мирохозяйственного процесса – какой бы ни была специфика общественного устройства отдельных стран, имеющая по отношению к этому единому и общему второстепенное, подчиненное значение. Она представляет собой тесно взаимосвязанную совокупность основополагающих идей и опирающихся на прогрессивную практику абстрактно-логических представлений об объективных закономерностях развития и принципах жизнедеятельности крестьянских сообществ, об экономических и социальных отношениях в самом сельском хозяйстве и в общих рамках социально-экономической системы государства. При этом, как и в любой сфере человеческой деятельности, первоосновой, главной активной движущей силой в становлении и развитии аграрных отношений, следовательно, в теоретических представлениях о них выступает непосредственный сельский производитель с его общечеловеческими ценностями, интересами, но с определенными особенностями трудовой деятельности, духовных корней, самосознания, всего образа жизни.

Разработка подлинно научной теории аграрных отношений применительно к современной российской действительности, которая бы давала выверенные практические ориентиры и надежную научную основу для взвешенной государственной аграрной политики, возможна лишь при условии соответствующих общеисторических обобщений. Только всестороннее знание истории развития аграрных отношений, за-

кономерностей реализации указанных, постоянно действующих основополагающих ценностей, всесторонний учет стремлений и интересов их субъектов, только критическое рассмотрение научных взглядов и течений в отечественной и мировой аграрно-экономической мысли в этой области позволяет давать достоверные оценки и делать теоретические выводы по вопросам путей обеспечения эффективного и устойчивого социально-экономического развития сельского хозяйства и всей агропродовольственной системы страны, формирования адекватной такому развитию аграрной политики.

В рамках изложенного общего теоретико-методологического подхода к пониманию существа проблемы при ее системном анализе принципиально важно прежде всего выделить и всесторонне осмыслить социально-экономическое содержание, а также проследить возникновение и эволюцию *подсистем аграрных отношений*. Исторически основными из них являются:

- формы хозяйства и движущие силы жизнедеятельности крестьянских сообществ, отношения собственности, прежде всего, земельной с адекватным ее сущности механизмом экономической реализации;

- «внешние» отношения крестьянства (с партнерами по экономическим связям в АПК и государством) в сферах обмена, распределения и потребления.

Следовательно, определяя цель и задачи разработки теоретико-методологических основ аграрной политики, используя необходимые для этого методические подходы, в проведении конкретного анализа важно применять их прежде всего к указанным базовым элементам или подсистемам этих отношений. Принято считать, что аграрные отношения представляют собой производственные отношения в сельском хозяйстве, определяемые «формами землевладения и землепользования». Такое определение с некоторыми различиями в формулировках (в частности, упоминанием о владении и использовании «и других средств производства») дается во многих энциклопедических изданиях советского и современного периодов, в учебных пособиях и научно-исследовательских работах.

Однако оно является односторонним и методологически неправомерным уже потому, что в стороне остается главный субъект системы аграрных отношений – непосредственный земледелец с адекватной крестьянской формой жизнедеятельности. Поэтому в общем теоретико-методологическом подходе к исследованию аграрных отношений следует четко выделять *три базовые элемента*: человек, непосредственный участник производственного процесса в сельском хозяйстве, с его личным интересом, собственность с адекватными этому интересу формами экономической реализации и государство с его регулирующими (правовыми и экономическими) функциями. Те же мирохозяйственные процессы показывают, что именно на таком органическом соединении и взаимодействии всех трех основ общественного устройства, и прежде всего его экономической составляющей, зиждется теоретическая база создания эффективной системы аграрных отношений и формирования научно обоснованной аграрной политики.

Исследуя развитие аграрной теории в сопоставлении с концепцией и механизмами реализации аграрной политики и определяя степень соответствия последней базовым теоретическим принципам в рамках указанных трех фундаментальных основ развития аграрных отношений, важно исходить из обеспечения системности исследования проблемы, выделяя и предметно, в тесной взаимосвязи рассматривая структурные элементы этих отношений. Здесь сочетаются как общие, политэкономические их элементы: теория отношений собственности, теория рынка и его категорий, прежде всего теория ценообразования, теория экономического роста, теория предельной полезности, теория кризисов и т.д., так и специфические, присущие системе и механизму аграрных отношений. *Основными составляющими собственно аграрной составляющей* экономической теории являются:

- теория земельных отношений, в которой выделяется теория земельной собственности;

- теория земельной ренты, теория форм ведения хозяйства с выделением теоретических аспектов крестьяноведения;

- теория «преимуществ» крупного и «устойчивости» мелкого производства,

- теория аграрных кризисов;

- теория аграрного протекционизма.

Особые теоретические подходы обусловливает специфика аграрной сферы в вопросах ценообразования, налогообложения, действия экономического механизма в сельском хозяйстве и АПК в целом.

В любой системе есть общая фундаментальная основа, вокруг которой в тесной взаимосвязи функционируют другие ее элементы, приоритеты, и соотношения которых в процессе исторического развития могут меняться. Однако в рационально организованной земледельческой практике, а, значит, в последовательно научной теории аграрных отношений неизменным был и остается приоритет отношений собственности, прежде всего земельной. Как теоретически обосновываются и насколько адекватно этому в аграрной политике регулируются вопросы собственности в сельском хозяйстве, а, следовательно, другие «производные» направления этой политики, так функционирует и вся система аграрных отношений, так решается ее центральный, так называемый крестьянский вопрос. Или крестьянин, труженик земли задействован в общественной модели, где он в соответствии в объективными закономерностями социально-экономического развития свободно выбирает форму хозяйства и жизнедеятельности вообще, получая необходимое для этого содействие со стороны государства, или, наоборот, государство в своей аграрной политике исходя из заявленных якобы «высоких», но на деле умозрительных, надуманных идеологических фантазий принудительно навязывает заведомо чуждую сельскому труженику форму жизнедеятельности, втискивая его в модель, где попираются гражданские и экономические свободы и фундаментальные общечеловеческие ценности.

Можно выдвигать разные доводы против приоритета частной собственности, но нельзя опровергнуть главного: сельский товаропроизводитель, лишенный собственности или довольствующийся общей, обобществленной (совместно-ничейной) собственностью, лишается стимулов к творческому труду, житейской прочности и уверенности в будущем. Право частной, прежде всего земельной собственности, наоборот, создает эту прочность и уверенность, обеспечивая эффективное взаимосвязанное функционирование других форм и всей системы аграрных отношений, всех элементов и рычагов механизма хозяйствования, подтверждая тем самым высокую степень научности аграрной теории. Как реализуется это право в нынешней деформированной системе аграрных отношений в России и к чему это ведет – было показано выше.

(Окончание в следующем номере)

УДК 338.43.02

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА: НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ, МЕТОДЫ И МЕХАНИЗМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

(Окончание. Начало см. в № 4 за 2014 год)

И.Н. БУЗДАЛОВ, академик, главный научный сотрудник

(Институт экономики РАН)

«Корректировка» аграрной политики или перевод ее на научные основы?

В связи с очевидными серьезными изъянами, неоправданными социально-экономическими издержками проводимой аграрной политики, в результате которой сельское хозяйство продолжает оставаться в состоянии глубокого системного кризиса, нельзя довольствоваться робкими голосами о «совершенствовании» проводимого курса этой политики, устранении «узких мест» и т.д. Необходимо радикальное обновление этого курса путем перевода аграрной и всей экономической политики на проверенные прогрессивным мировым опытом научные основы [8].

Наиболее слабым звеном в проводимой аграрной политике является ее крайнее несоответствие теории аграрного протекционизма, объективно обусловленного отмеченными выше специфическими условиями ведения сельского хозяйства, производством жизненно важного, незаменимого вида продукции первой необходимости – продовольствия. Вследствие введения (до и после НЭПа) противоположной протекционистской аграрной политике антикрестьянской политики «перекачки» сельское хозяйство России неизбежно отбрасывалось в состояние глубокого аграрного кризиса. По этой причине и до сих пор оно не может выйти на главный путь своего развития – последовательную интенсификацию производства, соответственно, инновационную стратегию, а потому не способно обеспечить надежную продовольственную безопасность населения страны. Тем самым создается угроза ее общей национальной безопасности.

И сколько бы сейчас ни говорили об успехах в сельском хозяйстве, ссылаясь на экспорт зерна, отрасль не преодолела возникшего в начале нынешних реформ сопоставимого с последствиями коллективизации провала. Последствия этого провала властями России должным образом не оценены, а меры и механизмы его решительного преодоления в общем направлении радикальных социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве не получили полномасштабного отражения ни в стратегии аграрной политики, ни в Государственных программах развития отрасли на 2008-2012 и 2013-2020 гг., ни в принятой в 2010 г. Доктрине продовольственной безопасности страны.

Что касается зернового «флюса» в структуре сельского хозяйства и экспорта зерна (в 2013 г. в объеме около 16 млн т), то на фоне резкого отставания животноводства соответствующие показатели являются отражением запредельных диспропорций и перекосов в этой структуре, которые приходится восполнять импортом животноводческой продукции, эквивалентным 18 млн т зерна. Как известно, зерно экспортировалось и в годы подорвавшей производительные силы сельского хозяйства волюнтаристской аграрной политики конца 20-х – начала 30-х годов XX в., что вызвало указанный дисбаланс и привело к бескормице в животноводстве, а также к голоду самих крестьян, которым хлеб заменяла мякина, лебеда и т.д. Вместе с ножницами цен этот структурный дисбаланс усиливал диспропорции всего народного хозяйства и тем самым ослаблял потенциал общего экономического развития страны.

О структурной сбалансированности аграрного производства и тем самым об устойчивом развитии сельского хозяйства, о статусе России как мировой продовольственной державы можно будет говорить лишь при условии экспорта продукции животноводства и полного удовлетворения внутренних потребностей в картофеле, овощах, традиционной продукции садоводства. Сложившаяся ситуация, когда даже морковь, другую продукцию, выращенную на каменистых полупустынных землях Израиля, наша страна импортирует, свидетельствует об отсутствии в проводимой аграрной политике необходимых признаков научной обоснованности и рациональности практических мер по ее осуществлению.

Надо, конечно, признать, что прежний режим разорительной для села политики «перекачки», безусловно, ослаблен, но сельское хозяйство продолжает оставаться в жестких тисках его монопольного окружения. Власти оперируют цифрами годовой господдержки села в сумме около 5 млрд долл. США (хотя правилами ВТО бюджетное финансирование «разрешено» в сумме 9 млрд долл.). Но при этом умалчивается, сколько через диспаритет цен и весь механизм перекачки изымается из результатов крестьянского труда. По расчетам, на товарную продукцию, реализованную в розничной торговой сети на сумму свыше 5 трлн руб., в пользу субъектов монопольного окружения, включая само государство, из этих результатов в последний период ежегодно «перекачивалось» более 40 млрд долл. (около 1,3 трлн руб.) [8]. Причем из указанной суммы господдержки через экономически необоснованное налогообложение значительную часть государство забирает назад. Все это как две капли воды напоминает описанные М.Е. Салтыковым-Щедриным взаимоотношения на необитаемом острове двух генералов и накормившего их «тунеядца» мужика, получившего за свой труд «рюмку водки да пятак серебра».

Снижение доли оплаты труда в затратах СХО за 1991-2011 гг.

с 36,0 до 15,2% создает ложное представление о якобы позитивных структурных изменениях в отрасли. Но ведь это снижение является следствием не технического прогресса, позитивных сдвигов в органическом строении капитала аграрного сектора, а в основном следствием искусственной «экономии» на заработной плате селян. При ее нынешнем уровне, почти вдвое заниженном по сравнению со средним по экономике, подрываются стимулы к высокопроизводительному труду. В условиях сохраняющегося запредельного ценового диспаритета отрасль фактически стала убыточной (против 30% рентабельности в 1991 г.). Все это, как и кредиторская задолженность СХО, перешедшая все мыслимые границы и достигшая при ростовщических процентных ставках беспрецедентного уровня почти в 2 трлн руб., что в 1,5 раза превышает всю их выручку от реализации продукции, товаров и услуг) – наглядные признаки финансового банкротства российского сельского хозяйства.

Надо заметить, что село не единственный пасынок у нынешней власти. Обделенными остаются и некоторые другие важные отрасли и сферы жизни общества, в том числе наука. Но по ущемлению насущных нужд и интересов селу принадлежит пальма первенства, создающая серьезную преграду в направлении движения по главному пути эффективного и устойчивого развития сельского хозяйства – его последовательной интенсификации.

Правда, Президент РФ В.В. Путин в своей статье об экономических задачах развития страны (Ведомости, 30.01.2012 г.) заявил, что направить сельское хозяйство на этот путь можно, если следовать опыту «всех развитых стран». Но заявления у политиков, как тонко заметил В. Даль, это часто «уклончивые» намерения и обещания. Ими поля не удобрить, скот не накормить, дороги и нормальное жилье на селе не построить и т.д. Развитые страны потому и стали развитыми, что там власти в своей экономической политике заявления подкрепляют действенными мерами государства по социальному обустройству и высокоинтенсивному развитию сельского хозяйства.

Примером успешного движения по такому разумному пути может служить и такая крупная (ядерная) держава, как Франция, к тому же лишенная, в отличие от России, огромных нефтедолларовых «потоков». На основе интенсификации как практического выражения активной протекционистской аграрной политики фондооснащенность в расчете на гектар обрабатываемых земель и, соответственно, урожайность сельскохозяйственных культур, а также и продуктивность скота в 2-3 раза в этой стране выше, чем в России. Имея в расчете на 1 жителя сельхозугодий в 2,7 раза меньше, чем в нашей стране, Франция производит сельхозпродукции на каждого человека в 2,6 раза больше (на сельского жителя – в 5,8 раза) и является вторым в мире экспортером сельскохозяйственной (прежде всего животноводческой) продукции. В отдельных странах – членах ВТО размеры господдержки (тем самым активизации использования основных факторов интенсификации – технических средств, удобрений и т.д.) в расчете на ту же площадь в 6-8 и более раз превышают бюджетную поддержку российского сельского хозяйства [13]. Причем у нас из общих скудных ее размеров лишь 1/4 достается непосредственным товаропроизводителям (остальные средства идут на поддержку Россельхозбанка, Росагролизинга, содержание разветвленного аппарата аграрных управленцев и т.д.).

Этот опыт также показывает, что власти, первые лица государства, исходя из сложности и многофункциональности воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве и понимая, что угроза продовольственной безопасности – это первейшая угроза самим этим властям, по определению вынуждены помимо необходимой активной поддержки отрасли опираться на профессионалов управленцев, авторитетных советников с глубокими специальными знаниями. Более того, в силу этой угрозы с далеко идущими губительными последствиями для всей страны высшие должностные лица государства часто непосредственно становятся главными кураторами «аграрного вопроса», как это имело место и в России, например, в период правления Александра II, премьерств С. Витте и особенно П. Столыпина, в свою очередь выдвигавших таких управленцев и советников, среди которых следует упомянуть прежде всего министра земледелия А. Кривошеина.

Только за период 1908-1913 гг. его активной министерской деятельности валовая продукция сельского хозяйства увеличилась в 1,5 раза (для сравнения: за те же пять лет с начала проводимой ныне аграрной реформы падение производства составило около 40% от уровня 1990 г., особенно по животноводству, и пока этот уровень еще не достигнут). Россия в те годы стала производить зерна больше, чем США, Канада и Аргентина вместе взятые. Зерновой экспорт вырос в 2 раза, причем зерном обеспечивалось и собственное животноводство. Это в свою очередь повышало экспортные возможности отрасли, особенно молочного скотоводства. Только экспорт сибирского сливочного масла давал стране золота в 2 раза больше, чем вся золотопромышленность края.

В советский, прежде всего сталинский период пост министра сельского хозяйства стал номинальным, называемым еще «расстрельным» (для Р. Эйхе, В. Чернова, Я. Яковлева – он был таковым в буквальном смысле слова). Но своей политикой до конца подрубать «аграрный» сук, в том числе для самосохранения, новые государи-генсеки не могли и поэтому из своих ближайших соратников, членов Политбюро, назначали партийных кураторов, среди которых при Сталине был А. Андреев, при Брежневе – М. Горбачев, при Горбачеве – Е. Строев и т.д. (Н. Хрущев, верный известному «учению» Т. Лысенко, сам определял, что, где и сколько сеять, какой выращивать скот и т.д.). В отличие от безропотных исполнителей-министров, эти кураторы, пользуясь реальной властью, могли «выбивать» иногда немалые средства для села, секретари обкомов и райкомов, как хотели распределяли их по заведомо ресурсорасточительному в условиях существовавшей системы принципу: «где густо, а где пусто», создавали для своего престижа и пропаганды «преимуществ» этой системы «маяки», осуществляли сумбурные реорганизации и т.д., углубляя тем самым аграрный кризис, приближая крах самой системы.

К сожалению, многое из арсеналов советской системы государственного управления сельским хозяйством мы видим в нынешней стратегии и механизме осуществления аграрной политики. Над непосредственными производителями, находящимися под «обновленными» прессом монопольного окружения и ценового диспаритета, вместо прежних партийных секретарей стоят новые властные распорядители и «распределители» – главы регионов и районов, во многом с тем же стилем и методами управления и с еще большим разросшимся коррумпированным чиновничеством.

Пост отраслевого министра (а их за годы реформ сменилось 10) остался по сути тем же номинальным, к тому же исчезли кураторы с необходимыми знаниями «аграрного вопроса». Последний из этих кураторов, аграрник советской колхозно-совхозной школы В. Зубков совершенно безучастно относился к этому вопросу. Теперь курирование как дополнительная нагрузка поручено А. Дворковичу, и вряд ли у него есть время и желание вникать в глубину проблемы. Высшему руководству вертикалью власти, озабоченному «амбициозными» замыслами и «престижными» проектами, прокладыванием, обкрадывая будущие поколения, мощных нефтяных и газовых потоков во все концы света для финансового обеспечения этих замыслов и проектов, вообще не до такого курирования. Ему, как видно, даже нет особой надобности и в настоящих профессионалах-советниках по этому вопросу как излишней «помехи» тому, чтобы проводить аграрную политику по новой «генеральной линии» с выделением для села остаточных крох бюджета страны.

Новый министр сельского хозяйства Н. Федоров, ранее проявлявший несогласие с Кремлем по ряду вопросов исходя из принципиальных соображений, мог бы и здесь указать верховной власти на социальную несправедливость, декларативность приоритета сельского развития. Однако он заведомо получит «оправдательную» ссылку на ограниченность ресурсов, на «утвержденные» параметры государственного бюджета, в том числе его аграрного сегмента. Но ограниченность ресурсов, в том числе финансовых возможностей государства, характерна для любой страны, и как раз те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском развитии, и в периоды кризиса, стагнации, и в годы подъема экономики неизменно формируют структуру бюджета в соответствии с задачами общего сбалансированного социально-экономического развития, на деле создающего возможность системной модернизации сельского и всего народного хозяйства. Даже в «союзной» с Россией Республике Беларусь доля аграрного бюджета превышает 10%, а в странах ЕС она около 40% – против 1,4% в России (в дореформенный период в СССР даже в условиях масштабных затрат на вооружение, «братскую» помощь, космос и т.д. эта доля достигала 15%, в годы НЭПа – 7,5%).

Нынешняя российская экономическая политика с устремлениями властей любой ценой «быть первыми», поражать воображение безмерными спортивными, военными, космическими, юбилейными и прочими щедротами, обременительными расходами на ту же «братскую» помощь, списанием внешних долгов, вкладыванием имеющихся финансовых резервов под мизерные проценты в зарубежные финансовые бумаги и т.д. и с такой же безмерной «экономией» на сельском хозяйстве подрывает ресурсную базу его последовательной интенсификации, следовательно, инновационного преобразования всего процесса отечественного сельского развития. Вместе с тем эта политика «стимулирует» инфляцию, обесценение рубля порождает запредельный дисбаланс в бюджетных расходах и общей народнохозяйственной структуре экономики со всеми его негативными социально-экономическими последствиями, и не только для сельского хозяйства, заведомо лишающими страну конкурентных преимуществ, Отрасль, вся российская экономика, страдающая приступами «голландской болезни», при такой политике остается мало привлекательной для зарубежных инвесторов, а отечественный капитал десятками миллиардов долларов в годовом исчислении стремительно «бежит» из страны.

Призывать к опыту развитых стран, но ничего не менять, и далее оставляя отечественное сельское хозяйство в состоянии глубокого системного кризиса, или ограничиваться полумерами, общими призывами и декларациями типа Доктрины продовольственной безопасности – значит, не задумываясь о последствиях, продолжать идти по зигзагам указанного, толком никем не объясненного «особого российского» пути, с его во многом советской «спецификой», в своеобразных формах трансформировавшейся в структуру нынешней вертикали власти с ее тем же «административным» ресурсом и волевыми, опрометчивыми решениями, которые, как показано выше, с особым «размахом» реализуются в проведении аграрной политики.

В условиях, когда такие решения или благовидные декларации стали нормой надеяться, что сельское хозяйство может выйти из трясины затянувшегося глубокого системного кризиса – значит предаваться иллюзиям. Преодолеть этот кризис возможно, судя по опыту развитых стран, лишь в рамках теоретически выверенной и подтвержденной этим опытом последовательно протекционистской модели аграрной политики. Изобретать здесь какую-то призрачную конструкцию «особого пути», которую, согласно поэтической притче, «умом не понять» (и в которую надо бездумно «только верить»), и втискивать в эту конструкцию реальную экономическую, в том числе аграрную политику – это путь в никуда не только для сельского хозяйства, но и для страны в целом. По некоторым авторитетным оценкам, это прямой путь к катастрофе [16], постигшей, как известно, и царскую Россию, и «передовой» советский строй.

***

У человечества, независимо от национальных, «традиционных» и прочих второстепенных по значимости особенностей стран и народов, есть один, глобальный, объективно обусловленный, цивилизованный путь, основанный на базовых и общечеловеческих ценностях, единых духовно-нравственных ориентирах и моральных устоях.

Порочность потерпевших фиаско претензий на национальную, религиозную и прочую исключительность, на «особые» пути, разного рода «исторические» миссии, принесших неисчислимые народные бедствия, наглядно продемонстрировали нацист-

ская идеология «мирового господства», большевистская идеология создания мирового «социалистического лагеря» с его «перевоспитательным» отделением – советским ГУЛАГОМ, полпотовским «преобразовательным» кошмаром в Камбодже и т.д. Продолжают демонстрировать эту порочность и некоторые современные режимы, например, в Северной Корее. В то же время Финляндия, эта бывшая бедная окраина России, достигла своего благополучия, в том числе в сельском развитии, благодаря тому, что ей удалось вовремя свернуть с «особого» российского пути и встать на закономерный, объективно обусловленный путь, лежащий в русле общего глобального мирохозяйственного процесса. На этот путь перешли и переходят страны ушедшей в небытие «мировой системы социализма», некоторые бывшие советские республики (другие, в частности, Туркмения, все еще экспериментируют на своих «особых» путях).

Абстрактная версия «особого российского пути» была и остается разве что удобной властям для навязывания стране (и для оправдания) разного рода надуманных «исторических» решений, «крутых» поворотов и переворотов, «великих переломов», амбициозных «прорывных» проектов и прочих «приоритетных» увлечений и прихотей распорядителей движения по ухабам и трясинам этого пути. Когда же обнаруживается их абсурдность, разрушительность, все легко свалить на «загадочность» русской души, на «перегибы», «культ личности» и т.д., включая «происки» Запада, а в «прикладном» плане – на стрелочников-исполнителей.

Из истории известна разорительность для села и крестьянства насильственной коллективизации, «ножниц цен», чрезвычайщины и той же «перекачки», причем для оправдания последней под нее подводилась теоретическая база упомянутого выше «первоначального социалистического накопления». Последствия такой политики для сельского хозяйства и страны в целом списали в теории на Е. Преображенского, подведя его под расстрел, и на якобы неизбежную «историческую» необходимость, а в реальной политике ограбления деревни и грубого насилия над крестьянством – на сталинский произвол (в полном соответствии с той же теорией).

Сейчас бремя перекачки, масштабы ценового диспаритета снижены, но негативные последствия фискальных акций и непродуманных преобразований в сельском хозяйстве сохраняются, порождая и усиливая проявления системного аграрного кризиса. Отсюда альтернатива: или извлечь уроки и, опираясь на проверенные в мире базовые положения аграрной теории, изменить политику, придать ей необходимую протекционистскую направленность, или продолжать безоглядно невпопад экспериментировать и надеяться, что все последствия и провалы можно будет опять списать на «погрешности» особого российского пути, якобы обусловленные каким-то таинственным окостенелым «менталитетом» россиян.

В чем суть этой очередной загадки: или это «паршивая российская обломовщина» (Ленин), или склонность «жить задним умом» (Гоголь) или, наконец, это натура «собственных платонов» (Ломоносов) – до сих пор не выявлено, и вряд ли такое выявление нужно тем, кто верует в чудеса особого российского пути. Пока предпочтение отдается последнему. Упорное стремление ответственных представителей нынешней высшей российской власти к реанимации этой умозрительной абстракции, под прикрытием которой культивируются волевые решения, в данном случае в аграрной политике – наглядное подтверждение их заведомого нежелания или неспособности осуществлять эту политику на прочной, проверенной опытом «развитых стран» научной основе.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 21. – С. 220.
2. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Советская энциклопедия, 1980. – Т. 4. – С. 462.
3. Аграрная политика России – современные тенденции. – М.: ИМЭПИ, 1999. – С. 11.
4. Аграрная политика КПСС на современном этапе. – М.: Политиздат, 1989. – С. 14.
5. Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России – XX век. М.: ВО Минсельхоз России, 2002.
6. АПК: экономика, управление. – 1992. – №7. – С. 8.
7. Буздалов И.Н. Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления. М.: Academia, 2005.
8. Буздалов И.Н. Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики // Вопросы экономики. – 2009. – №10.
9. Буздалов И.Н. Униженный класс: о социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства. – Вопросы экономики // 2011. – №4.
10. Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. – М.: Изд-во Агрорус, 2013. – С. 98.
11. Жученко А.А. Вызовы XXI столетия мировой и отечественной продовольственной безопасности // Агропродовольственная политика России. – 2012. – №1.
12. Лемешев М.Я. и др. Мировой опыт пока ничему не учит. – М.: Тип. Россельхозакадемии, 2011.
13. Пошкус Б.И. Факторы укрепления сельского хозяйства: надежды и действительность. – Екатеринбург, 2011.
14. Шмелев Г.И. Аграрная теория и аграрная политика России в XX веке. – М.: Наука, 2000.
15. Маккеннелл Брю С. М. – Республика. – 1992. – Т.1. – С. 21.
16. А. Кончаловский. У России нет своего пути – свой путь ведет к катастрофе. – АИФ. – 15-16 апреля 2013.

Аннотация. В статье рассматриваются научные основы аграрной политики, направления и механизмы её осуществления с учетом мирового опыта в этой области. Отмечается отставание в разработке теоретических аспектов проблемы, наблюдающееся в последнее время в российских аграрно-экономических исследованиях. Обосновываются направления преодоления этого отставания как условия формирования научно обоснованной аграрной политики и устранения существенных изъянов и перекосов в нынешней практике её осуществления властями России.

Ключевые слова: аграрная политика; экономическая теория; аграрные отношения; научные основы; методы и механизмы; российский «особый» путь; аграрный протекционизм; опыт развитых стран.

Abstract. The article considers scientific bases of agrarian policy, lines and mechanisms of its implementation, taking into account the world experience in that area. Lagging is denoted in the development of theoretical aspects of the problem, recently observed in the Russian agrarian and economic research. The lines of overcoming that lagging are substantiated, as conditions of formatting scientifically reasonable agrarian policy and eliminating essential defects and distortions in present practice of its implementation by the authorities of Russia.

Keywords: agrarian policy; economic theory; agrarian relations, scientific bases; methods and mechanisms; Russian "special" way; agrarian protectionism; experience of developed countries.

Контактная информация: **Буздалов Иван Николаевич** *(эл. почта: tamara.buzdalova@yandex.ru).*